

Актеру не впервой играть царя, после Павла I в кино и мультяшного Царя из «Федота-стрельца» он выйдет на сцену Театра им. Моссовета в роли Федора Иоанновича в спектакле Юрия Еремина «Царство отца и сына».

Что роднит ваших Государей?

 Не знают они, что такое власть, не знают, что такое интрига, не умеют они УПРАВЛЯТЬ НАРОДОМ! Оставим в стороне сказочного Царя, но, если говорить о Павле и Федоре, то они — носители справедливости.

До сих пор вы были известным адвокатом Павла, теперь та же участь постигла Федора...

И я ни слова не наврал! Может, это звучало версионно, но я отталкивался от документов. И обнаружил, что поносили и хаяли Павла только в своем отечестве. А все высокопоставленные особы за пределами империи, с которыми общался Павел (будучи еще царевичем, он много путешествовал по Европе), уважали. Даже Наполеон Бонапарт говорил: "Боже мой! Какого царя угробили!" А если говорить о Федоре, то тоже обидно. Открываю источник, ученый пишет фразу: "Правление Федора было временной передышкой для Руси". Ничего себе передышка! Двенадцать лет — огромная жизнь, если без компьютеров, телевизоров, скоростей. И этот почти космический цикл правил Федор. Мне говорят: правил Годунов! И на это у меня адвокатский ответ. Почему, когда умер Федор, по улице шли и чернь, и бояре — в одной струе, плыли в своих слезах. И вопль стоял такой, что не было слышно церковного хора. И священнослужители, которые отпевали его, прерывали молебны, потому что захлебывались в слезах. Они плакали по какому-то миру, по какому-то времени. Федор был последним из Рюриковичей. На нем династия завершилась.

Его долг был управлять страной, а он не выполнил своего долга перед народом. Чего же так велика была их печаль?

 Он, видимо, так правил, что людям было хорошо. Не умел править, не хотел власти, отца молил не ставить его на эту должность. Не любил скипетр и державу. Богу он больше верил, чем человекам. В спектакле, когда Федору предлагают корону, он говорит: "Чего я с ней делать буду? У меня и так своих хлопот довольно. И что их всех подмыло? То там какой-то царь свою мне дарит землю, а тут паны корону мне суют — латинцы, враги Руси". Время-то какое было интересное! Налаживались какие-то отношения с Западом и с Востоком.

А на каком уровне лично вы бы согласились властвовать?

 Разве что на уровне собственного имени-отчества. Могу за себя ответить. Может, это актерская черта — я очень индивидуален, очень одинок в восприятии мира, мне претит командовать. Притом что, мне кажется, по натуре — я лидер. Но если вдруг мне бы сказали: выхода нет, Витька, берись! — я должен стать бесстрашным, бесстыдным, быть готовым ко всему. Чтобы управлять народами, надо готовиться не к

тому, что ты станешь богатым человеком, а к тому, что ты можешь быть убит.

Ваша адвокатская позиция по отношению к Федору не провоцирует конфликты с режиссером Ереминым?

 У меня есть два выхода: либо я иду за режиссером, либо ухожу из проекта. Третьего не дано. Держать фигу в кармане? Или, как в анекдоте: "На репетициях я вам не мешал, вы мне теперь играть не мешайте"? Кроме того, я же отдаю себе отчет, что мое левое ухо в зеркале отражается правым ухом. И за этим следит только режиссер. Но, если я хочу что-то предложить, я показываю. Скажем, пережив историю безумной любви к жене Арине, мой Федор должен ее потерять. И сцена утраты вызывает у меня образ Квазимодо, который спасает Эсмеральду. Я предлагаю такое решение, и Юрий Иванович строит сцену, принимая мою фантазию.

Вы играете любовь с секс-символической Екатериной Гусевой...

 Может, благодаря этому обстоятельству вы и Сухорукова увидите эротического — в прозрачной ночной рубашке.

Как прижились вы с Федором на сцене Театра Моссовета?

 Когда я в двухтысячном году вернулся из Петербурга, расставшись там с Театром комедии, у меня были предложения из театров, но я сказал себе: не пойду я больше в государственную театральную структуру, потому что там утрачивается уважение к актеру, фантазиям нет хода. Подход чиновничий. А я человек свободный, вольнодумец. Но я отработал (именно отработал, хотя не люблю слова "работа" в своей профессии, больше люблю "служба" и "лицедейство") в спектакле "Лир" Владимира Мирзоева. Потрачены время, деньги, силы, возможности — и вдруг один сезон отработали и закрыли. Не скрою, мне там было трудно. Я понимал, что это театр, охраняющий свои традиции, отдельная школа — я был там чужак. Талантливые люди, которыми я был окружен, не очень меня приняли. А Театр Моссовета, который я знал со студенческих лет и лазил по водосточной трубе, чтобы попасть на спектакль, принял! Конечно, трепет был. Репетируя сейчас на сцене (не сочтите меня за шизофреника, а впрочем, как хотите), я их присутствие чувствую — и Раневской, и Орловой, и Мордвинова, и Бирман, и Ванина, и Абдулова, и Маркова, и Жженова. Я чувствую, что они там были, и они там есть. И теперь по их следам иду я. Мне там работается фантазийно, энергично, без усталости. У нас очень творческая атмосфера, очень гармоничные взаимоотношения. Настолько все друг другу помогают! Кому-то неинтересно об этом слушать, но это звучит сенсационно для тех, кто знает, что такое актер. Это сгусток эгоизма, концентрация самолюбования, наивности, гремучая смесь девственности и разврата.

Доходчива ли ваша история древних царей для зрителя XXI века?

 Там действие происходит в XVI веке, сейчас на дворе год 2009-й — разница только в одежде.

Светлана Полякова